

Горбачев О.В., Лин Д.Г.

Аграрная политика и демографическая структура сельского населения белорусско-российского пограничья (1959–1970 гг.)^{1*}

С появлением после распада СССР межгосударственных границ на месте межреспубликанских стал актуален вопрос о текущем состоянии и потенциале развития региональных структур – экономических, управленческих, демографических и т.д. То, что прежде интерпретировалось в качестве местных особенностей, в случае необходимости поддающихся корректировке из центра, теперь нередко выступает в качестве факторов, влияющих на жизнеспособность государства, определяющих перспективы его развития.

Изучение демографического развития российско-белорусского пограничья, с одной стороны, позволяет оценить возможности сопредельных территорий, с другой – актуализирует проблему пограничья как особого региона, население которого в ходе интенсивного приграничного миграционного обмена приобретает новые качественные черты в сравнении с жителями других частей страны.

Хронологические рамки работы, ограниченные годами Всесоюзных переписей населения, можно охарактеризовать как период чрезвычайно активных миграционных перемещений из села в город. Как известно, во второй половине XX в. в мире с особой интенсивностью развернулась «городская революция», т.е. речь идет об универсальной урбанистической тенденции. Однако в СССР в условиях большой централизации управления, этот процесс находился под сильным влиянием мероприятий экономической политики, что и предопределило название статьи.

По нашему мнению, в исследуемое десятилетие стимулирующее влияние на перемещение жителей села пограничья в города оказывали:

- программы по организованному набору рабочих в промышленность из числа сельских жителей (в это время уже идущие на спад);

^{1*} Тема исследования поддержана грантами РГНФ 08-01-90100а/Б и БРФФИ Г08Р-023 «Демографическое развитие российско-белорусского пограничья в условиях урбанизации».

- ликвидация машинно-тракторных станций (1958 г.), вызвавшая миграцию сельских механизаторов, неудовлетворенных уровнем оплаты труда в колхозах по сравнению с реорганизованными МТС;

- кампания «Догоним и перегоним Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», проводившаяся на рубеже 1950–1960-х гг., ознаменовавшаяся беспрецедентным наступлением на приусадебное скотоводство;

- ликвидация «неперспективных деревень» в рамках Программы развития Нечерноземья 1974 г.

В отличие от других демографических процессов, миграция достаточно быстро меняет свою интенсивность и представляет собой реакцию на новые социально-экономические условия в местах выхода (или входа) переселенцев. Однако в границах изучаемого тридцатилетия мы практически не встречаем обратного тренда – движения из города в село в связи с улучшением там жизненных условий. Объясняется это явление именно всеобщностью тенденции урбанизации, когда привлекательность города в глазах сельского жителя абсолютно бесспорна. Именно поэтому в нашем списке не оказалось мероприятий, положительно влиявших на условия жизни в деревне – преобразования колхозов в совхозы в начале 1960-х гг., введения гарантированной оплаты труда и пенсий для колхозников в середине десятилетия, аграрной реформы 1965 г., регулярных повышений уровня оплаты труда на селе – их стабилизирующее влияние на людские ресурсы села было невелико.

Это означает, что власть была не в состоянии отменить миграцию в города. Но в ее силах было сделать процесс более сбалансированным и умеренно интенсивным, избежать большинства разрушительных последствий обезлюдения села.

Демографическое состояние белорусско-российского пограничья рассматривалось в трех парах соседних областей: Витебская–Псковская, Могилевская–Смоленская, Гомельская–Брянская. Уже поверхностный взгляд позволяет понять, что демографические процессы на этих территориях имеют некоторые отличия. Они определялись различиями в местных системах сельского расселения, плотностью городской поселенческой сети, экономическим положением областей. Одна из ключевых характеристик приграничных территорий – темпы урбанизации. Они зависели, во-первых, от степени близости крупных городов, а во-вторых, от общего уровня промышленного развития территории. В период с 1959 по 1970 гг. наиболее интенсивная миграция в города своей области, а также за ее пределы, отмечалась в Смоленской и Псковской областях России. В Брянской этот процесс развивался замедленно в силу более устойчивой сельской поселенческой сети (более крупные поселения, располагавшие лучшей местной инфраструктурой в сравнении с соседями), а также относительной удаленности от мегаполисов (Москвы и Ленинграда).

Активные урбанизационные процессы в Белоруссии начались позже, чем в России, по причине долго сохранявшейся преимущественно аграрной

ориентации местной экономики. В результате, по состоянию на 1959 г., есть смысл говорить о сходстве демографических моделей трех белорусских областей и Брянской области России, где изменения в половой и возрастной структурах сельского населения происходили еще достаточно сбалансированно, тогда как в Псковской и Смоленской областях эти структуры подвергались активной деформации.

Отмеченные различия хорошо видны на помещенных ниже графиках (Рис. 1)¹

Динамика соотношения полов в структуре сельского населения приграничных областей, 1959 и 1970 гг.

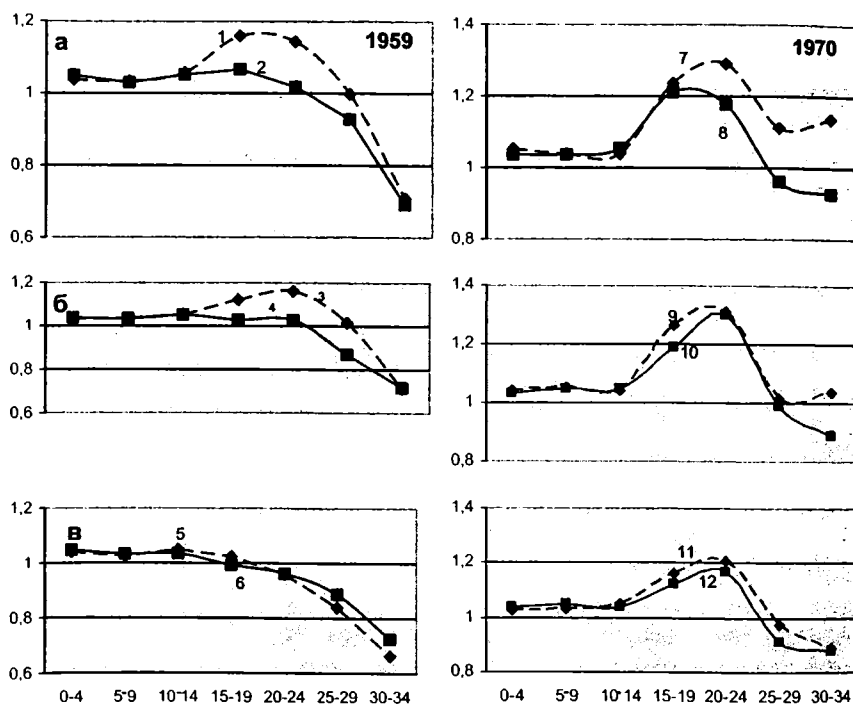

Рис. 1. Возрастная зависимость показателя соотношения полов в структуре сельского населения Псковской (1, 7), Смоленской (3, 9), Брянской (5, 11) областей России и Витебской (2, 8), Могилевской (4, 10) и Гомельской (6, 12) областей Беларуси по данным переписей 1959 (1–6) и 1970 (7–12) гг.

¹ Сост. по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 86–89; БССР. М., 1963. С. 24–25; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 2. М., 1972. С. 94, 129, 135, 190, 191, 195.

Для анализа взята возрастная группа до 34 лет. Метки данных, находящиеся выше значения 1,0, означают преобладание в сельской возрастной структуре мужчин, ниже – большее количество женщин. Для 1959 г. хорошо видно, что в группах 25–29 лет и старше женщины во всех областях доминируют, что объясняется последствиями войны. В то же время для сельской местности Псковской и Смоленской областей четко фиксируется избыток мужчин, что однозначно можно интерпретировать как результат миграции (максимум на кривых 1, 3). Избыток наблюдается в возрастном диапазоне 15–24 года и свидетельствует о том, что к моменту проведения переписи режим разноскоростной миграции полов в этих регионах России продолжался около 10 лет. Причинами интенсивной миграции женщин в трудоспособном возрасте, а значит, нарушения баланса полов в сельской местности Псковской и Смоленской областей, видятся распространение посевов льна на их территории (льноводство в тот период – исключительно трудоемкое производство с высокой долей ручного труда), хорошая транспортная доступность крупных центров (наличие крупных магистралей) и раздробленная поселенческая и хозяйственная структура, сильно пострадавшая в ходе послевоенного укрупнения колхозов. Половой состав сельского населения Брянской области в 1959 г. в этом диапазоне возрастов выглядит сбалансированным (кривая 5) и, по существу, не отличался от соответствующих показателей по белорусским областям (кривые 2, 4, 6).

Графики, относящиеся к 1970 г., фиксируют факт деформации половой структуры во всех исследуемых регионах. Ее масштабы по-прежнему самые большие для возрастной группы 15–24 (возраст наиболее активной миграции), при этом в российских областях изменения ощущались сильнее, чем в белорусских, а среди российских наиболее значительными они оставались в Псковской и Смоленской областях. В последних значения кривой динамики соотношения полов доходили до значения 1,3, т.е. мужчин оказывалось на 30% больше, чем женщин. Можно констатировать, что в этот период уже очень рельефно проявились симптомы болезни, которая позже в советской прессе получила название «деревня без невест»¹.

Характерно, что отмеченная деформация для отдельно взятой области, как правило, уравнивалась более активной миграцией мужчин из местных городов за пределы областей пограничья. Все исследуемые территории выступали в качестве доноров по отношению не только к мегаполисам, но и к районам нового освоения, а во внешних миграционных потоках мужчины традиционно более активны.

Сделанные наблюдения позволяют расставить приоритеты в иерархии причин выбытия и, соответственно, определить степень влияния мероприятий аграрной политики на деформацию сельской возрастной структуры в областях белорусско-российского пограничья.

¹ Советская Россия, 1987, 2 сентября.

Обнаруженный к 1959 г. перевес мужчин в структуре сельского населения двух областей из шести и относительно сбалансированная структура населения в активном населении остальных четырех регионов позволяют предположить, что на состоянии трудовых ресурсов в то время уже достаточно слабо сказывались последствия оргнаборов рабочей силы из села (оргнаборы касались преимущественно мужского населения). Это не противоречит нашим прежним выводам о положении дел в системе организованного привлечения рабочей силы¹. Примерно то же можно сказать и о последствиях реформы МТС. Переезд мужчин – работников МТ в город после передачи техники колхозам оказался не настолько масштабным, чтобы серьезно повлиять на баланс полов в сельском населении пограничья. Другое дело, что в Нечерноземье (к которому относятся исследуемые и российские, и белорусские области) эффект от передачи техники в МТС в колхозы оказался скорее негативным, поскольку у небогатых хозяйств не хватало средств ни на выкуп этой техники, ни на поддержание ее в рабочем состоянии. В этих условиях сфера применения ручного, преимущественно женского труда на селе сокращалась недопустимо медленно, что не могло не подталкивать женщин к переезду в город.

Кампания «Догоним и перегоним Америку» нанесла тяжелый удар по приусадебному скотоводству, особенно в пригородных районах. Облегчение для женщин, гораздо более мужчин занятых в домашнем хозяйстве, оказалось довольно иллюзорным. Доходы семьи теперь в гораздо большей степени зависели от работы в общественном секторе, что не выглядело привлекательным для жителей пригородных сел, прежде активно торговавших на городских колхозных рынках продукцией животноводства со своего подворья. В том же контексте должны восприниматься негативные последствия сселения «неперспективных» деревень: женское население деревни при разрушении сложившихся хозяйственных структур оказывалось наиболее уязвимым и было вынуждено проявлять высокую социальную мобильность. Это предположение подтверждается данными переписи 1970 г., продемонстрировавшей усиление полового дисбаланса в сельском населении пограничья.

Миграционная активность женщин, как правило, ограничивалась ближайшим городским поселением. Это отличало женскую миграцию от мужской, которая, как уже говорилось выше, была ориентирована за пределы своего региона.

Таким образом, предпринятый анализ, позволяет избавиться от стереотипного однолинейного восприятия влияния мероприятий аграрной политики на состояние демографических ресурсов региона.

Что касается какой-то особой приграничной модели развития сельских демографических структур, то на привлеченном нами материале ее существование не прослеживается – территории пограничных областей для этого

¹ См.: Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е гг. // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138–149.

слишком велики. Теоретически схожие типы демографического поведения могут быть выявлены в отдельных районах России и Белоруссии, непосредственно примыкающих к границе.

Зато вполне очевидно другое. Темпы демографических изменений в приграничных областях в 1960-е гг., как и темпы урбанизации в целом, задавались разными факторами, что позволяет сделать вывод о существовании уже в советское время ее республиканских разновидностей.